

ОСНОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 27; 930.85

ЕЩЕ РАЗ О СПЕЦИФИКЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ХРИСТИАНСТВА И ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Г.Г. Пиков

Национальный исследовательский
Новосибирский государственный
университет

pikov@gf.nsu.ru

Статья в целом посвящена проблемности отношений христианства с другими культурами как одной из ярких особенностей европейской цивилизации. Попытки понять это предпринимались на протяжении всей истории христианства. Необходимо учитывать постоянное проникновение в Европу самых разнородных культур, которые вступали в экзистенциальный конфликт с этой религией. Одновременно есть смысл увидеть проблемные отношения христианства с собственно европейскими ментально-культурными композициями. Они естественно приходили в противоречие с христианством, сформировавшимся за пределами континента. Это особенно хорошо видно в период раннего христианства, когда оно было представлено скорее набором идей, чем суммой артефактов. К тому же христианство формировалось не за счет эволюции некоего изначально-го парадигмального знания, а в результате синтеза элементов почти всех известных тогда культур. В общих чертах рассматриваются история взаимодействия христианства с европейскими культурными потоками и некоторые формы и приемы борьбы с ними. Особую роль в этой борьбе сыграла церковь, и христианизацию можно представить как движение не столько религии, сколько церкви. Одновременно христианизация есть информационное завоевание нового пространства. Вместе с тем нужно учитывать роль этой религии в сохранении информационного единства Европы и в борьбе с культурными интервенциями извне.

Ключевые слова: христианство, культура, религия, ментальность, атеизм, наука.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.1-39-52

Часть I

Некоторые общие проблемы взаимодействия христианства и европейской культуры

Да будет мой историк таков: бесстрашен, неподкупен, независим, друг свободного слова и истины, называющий, как говорит комический писатель, смокву смоквой, а корыто – корытом, не руководящийся ни в чем дружбой или враждой, не знающий пощады или жалости, ложного стыда или страха, справедливый

судья, доброжелательный ко всем настолько, чтобы никому не давать больше, чем он того заслужил, чужестранец, пока он пашет свой труд, не имеющий родины, не знающий никакого закона, кроме самого себя, не имеющий над собой никакого владыки, не мечущийся во все стороны в зависимости от чужого мнения, но описывающий то, что есть на самом деле.

Лукиан Самосатский

Через всю историю европейской цивилизации проходит противостояние хри-

стианской религии и ее многочисленных противников. В начале цивилизационной истории это иудаизм, «языческая» античность, «варварство» германцев, в середине – ислам, городское свободомыслие, православие, затем – гуманизм, наука, марксизм, капитализм. Есть и менее «могущественные» – ирландская культура, рыцарство, школяры университетов, еретики всех мастей.

В целом невольно складывается впечатление, что есть непреодолимые противоречия между христианством и всеми остальными народами и культурами. Это даже нашло отражение в знаменитой формуле «West versus Rest» («Запад против всех»). Имеется в виду не только современный Запад, но и, пожалуй, в гораздо большей степени Запад христианский. Об этом же говорит и утверждение о «нечеловеческом» происхождении христианских «истин» и религии, т. е. об отсутствии у них «дородовой» связи с любыми культурами. Если же буквально все культуры испытывают аллергию на христианство, то сколько же можно говорить о их неправоте, о том, что только христианство содержит «истину»?!

Все это выражается в противостоянии сакрального и секулярного, веры и неверия в форме инакомыслия и даже атеизма, психологии и идеологии, ментального и идейного, материализма и идеализма. Противостояние материализма и идеализма – специфическая европейская дихотомия. Проблемные отношения между ментальностью и идеологией существуют и в других цивилизациях, но конфликтными они были только в Европе. При этом стоит заметить, что древнегреческий идеализм принципиально отличается от объективно-идеалистического католицизма. «Языческие» представления о «мировом

духе» ближе к Гегелю, чем к Христу или даже к Филону Александрийскому. Об «абсурдности» христианства говорят как его противники, так и сторонники. Достаточно вспомнить приписываемый апологету III в. Тертуллиану афоризм «Credo quia absurdum est» («Верую, ибо абсурдно») или утверждение философа XVIII в. С. Кьеркегора о том, что христианство есть скачок в абсурд.

Никакая другая цивилизация не знает такой информационной войны внутри своего «мира». Ни одна восточная религия не является столь агрессивной идеологически. Даже внутри своей цивилизационной зоны они более веротерпимы, чем христианство. Восток мультикультурен и полицентричен. Его культуры, тоже предельно насыщенные религиозно, сосуществуют. И они находятся в проблемных отношениях друг с другом, но эти отношения крайне редко и даже, возможно, случайно становятся конфликтными. Не смешиваясь друг с другом, они все же подпитываются в чем-то друг от друга, обмениваются «дарами», а не «ударами». Общаются они и с христианством, но в целом относятся к нему не просто настороженно, а враждебно, подчас крайне враждебно. Миссионерская деятельность христианства тоже далеко не столь успешна, как ему хотелось бы.

Европа на протяжении всей своей истории была связана с Ближним Востоком. Европейцев и народы этого региона можно назвать даже родственными, однако отношения между их культурами всегда были проблемными и конфликтными. В христианстве в свернутом виде присутствует многое из еврейской культуры (идеи, обычаи, кошерность и т. п.), но это парадоксально не сближает, а разводит его с иудаизмом как с формой культуры.

Стоит отметить, что скрытая, а временами и открытая неприязнь европейцев по отношению к иудаизму и к христианству существовала всегда.

Многовековая антихристианская полемика детально описана и трактована, но лишь в духе спора идеального и материалистического, сакрального и секулярного. Этот спор идет, по сути, из христианства, во-первых, переведшего вопрос о божественном в практическую плоскость и, во-вторых, сформировавшего колено спора против самого себя, что фактически не давало возможности разглядеть идущую борьбу культур. В итоге можно говорить о складывании двойственного, амбивалентного отношения к христианской религии, которое сопровождало ее на протяжении всей ее истории. Ее либо идеализировали, либо объявляли «опиумом для народа», либо самонадеянно заявляли: «Gott ist tot».

Эту особенность европейской цивилизации обсуждают уже давно, и попытки ее объяснения за время существования христианства бесчисленны. Если концепция Откровения говорила о божественном происхождении этой религии, то гуманистическая концепция средних веков как «пустого» периода в истории напрямую направлена против христианства, и именно его господство вызывает к этому периоду на протяжении уже нескольких столетий довольно пренебрежительное отношение. Его ярко выразил итальянский писатель XIX в. Адольфо Бартоли: «Как будто разум окутался саваном, чтобы сойти в могилу, где он оставался много веков. Свет мысли погас. Мир со своими радостями, природа со своими красотоми перестали говорить сердцу человека. Высочайшие устремления духа стали признаваться грехом. Небо на-

висло над землей и душило ее в чудовищных объятиях». Наиболее ярко враждебное отношение к средневековью выражено у Вольтера. По его мнению, высказанному в «Опыте о нравах и духе народов и о главных событиях истории от Карла Великого до Людовика XIII», при рассмотрении истории варварских народов, погубивших Римскую империю, «испытываешь чувство, похожее на чувство путешественника, который покинул великолепный город и оказался в пустыне, покрытой терниями». Мир в этот период выглядел как покинутый жителями великолепный город, от которого остались варварские дороги, обломки культуры и т. п.: «Вместо прекрасного латинского языка – двадцать варварских наречий, вместо культуры и законов – только варварские обычаи. Цирки и амфитеатры, возвышавшиеся во всех провинциях, сменились хижинами, крытыми соломой. Большие дороги, такие красивые и прочные, проведенные от подножия Капитолия до гор Тавра, покрылись стоячими водами. Такой же переворот произошел в умах; Григорий Турский и монах Фредегар из Сен-Галлена – это наши Полибий и Титы Ливии. Человеческий разум огрубел среди самых подлых и бессмысленных суеверий... Вся Европа коснеет в этом унижении до XVI в. и освобождается от него лишь путем ужасных судорог... Историю этого времени, – добавляет он, – необходимо знать лишь для того, чтобы ее презирать». Средневековье он считал чистым порождением религии или глупости (синоним религии). Религия для него не более как изобретение «первого мошеника, встретившего первого дурака», а богословские споры он приравнивал к нелепым столкновениям «папистов, которые едят бога вместо хлеба, лютеран, съедающих бога вместе с хлебом, и кальвини-

стов, которые кушают хлеб, но совсем не кушают бога».

Нельзя сказать, что попыток объяснения этой дихотомии не было. Я имею в виду прежде всего утверждения различного рода сторонников религии или еретиков, просветителей или марксистов, и т. п. Чаще всего они субъективны, эмоциональны, больше опираются на логику, чем на исторический материал, чем-то или кем-то ангажированы, обращены к своим сторонникам или к своим противникам. Их, разумеется, нельзя сбрасывать со счетов, особенно работы крупнейших богословов, философов, социологов или религиоведов. Эти аргументы «работают» и в совокупности своей рисуют интереснейшую и грандиознейшую картину развития самой неуживчивой религии на планете. И все же нет ощущения полноты понимания и тем более знания; эта «таблица Менделеева» очень далека от окончательного заполнения. Понятно, что и я беспрельдно далек от мысли полностью заполнить ее, однако, может быть, стоит обратить внимание на некоторые не вошедшие в нее «элементы»?

Если мы бросим хотя бы беглый взгляд на историю Европы, то увидим, что четко выделяются три этапа взаимодействия христианства с европейской культурой.

Первый этап совпадает со временем «раннего христианства» (I–VII вв.). Это было время становления классических средневековых «миров». В цивилизационном плане тогда центральной была дихотомия «христианство–античная культура». Религия одержала победу над своими многочисленными врагами, находящимися в «армии» этой культуры, и стала «другом» для варваров, создавшим свои государства на территории исчезнувшей Римской импе-

рии. Полной христианизации культуры и сознания этих варваров не произошло, но они с симпатией относились к неизвестной доселе религии.

Второй этап – время расцвета феодального общества, становления средневековых империй (Каролингская, Оттоновская), средневековых ренессансов (VIII–XV вв.). После победы над идеологией южных средиземноморских народов (греко-римская «античность») религия столкнулась с более «примитивной» варварской ментальностью, которая по сравнению с сознанием «ожного» общества медленнее двигалась в направлении к идеологии. Но этот враг оказался сильнее, и в конечном итоге север отвечает на идеологическое продвижение религии («папства») серией мощных ересей, Реформацией и специфическими, по сравнению с итальянскими, ренессансами.

Третий этап – так называемая «новая история» Европы (XVI–XX вв.). Идет десакрализация культуры, падение авторитета церкви. В рамках Просвещения идет мощный цивилизационный штурм, результатом которого станет формирование нового идеологического пасьянса. Окончательно оформляется система национальных европейских государств, капиталистическая экономика. Север уверенно лидирует в истории. Можно сказать, что именно потомки бывших варваров создали капитализм, и он является, по происхождению, изобретением не общеевропейским, а североевропейским. Если вспомнить выражение Ж. Ле Гоффа, в истории Европы четко выделяются время церкви и время купцов. Именно религия и торговля, хотя и на разных этапах, связывают воедино достаточно разношерстный европейский континент. Религия и церковь в это время становятся «личным делом» каждого человека, иначе

говоря, окончательно теряют широкое общественное значение.

Причины широкого распространения христианства и образования всех упомянутых дихотомий разные. Отчасти, вероятно, это связано со своеобразной всеядностью Запада, его неиссякаемым интересом ко всему окружающему миру. В самом деле, просуществовать на окраине Евразии без идейно-культурной подпитки извне, основываясь только на своих ресурсах, никакая культура, и тем более цивилизация, не смогла бы. Естественным результатом этого и является периодически возникающая ситуация «язычества», т. е. смысловой какофонии. В то же время здесь видится и причина, связанная со спецификой взаимоотношений культур в целом и в том числе, как ни странно, с соотношением того, что именуется ментальностью и идеологией.

О ментальности существует огромнейшая литература, однако в контексте данной темы стоит обратить внимание на работы [1, 3, 5, 11, 12, 17, 19]. Традиционно считается, что ментальность как мироощущение и мировосприятие возникает в недрах культуры, формируется в зависимости от ее традиций, социальных структур и среды обитания и характерна для больших групп людей (этносов, наций, социальных слоев). В этом плане она вторична по отношению к «высокой» культуре. Между тем в истории не менее заметно и формирование культуры как завершение процесса складывания ментальности – способа адаптации к пространственно-временной ситуации. Очевидно в этом случае, что сначала формируются и развиваются социально-психологические механизмы, и именно на их основе образуются необходимые идеологические компоненты.

Менталитет формируется спонтанно, как «естественный» способ когнитивно-

го и аффективного реагирования вовне. На его основе возникает сумма «естественных» чувств, настроений, обычаев, традиций. Идеология же, как более «высокий» элемент общественного сознания, разрабатывается верхушкой определенной социальной группы или класса и привносится в массы. Здесь всегда присутствует момент интеллектуального и ценностного насилия. Многое зависит от того, насколько совпадают ценностные ориентации основной массы населения и правящей этносоциальной группы.

Средневековая ментальность может и должна восприниматься как такой же определенный тип культуры, что и «высокая» культура. Менталитет можно определить как особый культурно-исторический феномен, отражающий универсальные константы социокультурной жизни, и у него можно выявить не только древние и средневековые религиозные, но и «варварские» истоки и формы. Акцент на «безыдейной» основе истории, проявившийся в некоторых политических процессах (монгольские завоевания) и социальных движениях, дружно отрицается или не замечается средневековыми авторами и современными исследователями, которые говорят о неизбежной деградации народа, не осененного «божественной благодатью». Сказывается здесь и то, что различные общества в своем взаимодействии предпочитают иметь дело с культурами, созревшими окончательно, а не находящимися, так сказать, в пубертатном периоде. Соответственно, можно говорить о том, что «высокая» культура есть результат многовекового развития ментальной культуры. Исследователи долго изучали лишь готовые цивилизационные и культурные конструкции, а подготовительный этап недооценивали или рассматривали в

рамках иных конструкций. Этнос развивает свою стратегию выживания на основе адаптации к природной среде с целью трансляции во времени. Итогом этого процесса является строительство культуры как «дома», надстройки, которая решает определенную социально-политическую задачу и, пройдя свою судьбу до конца, уходит, отмирает.

Картина мира всегда имеет несколько уровней, поскольку она включает представления о трех мирах: физическом, историческом и социальном. Между этими уровнями обязательны проблемные отношения, поэтому культура на уровне и обыденного сознания, и развитой идеологии пытается создать их максимально непротиворечивый синтез, создать их иерархию на основе незримого «завета». Разумеется, надо учитывать и иерархический характер общества, где в восприятии одних и тех же концептов разными слоями неизбежны и обязательны различия. Необходимо выделять несколько уровней мировосприятия: общецивилизационный, связанный с тем, что тот или иной народ является неотъемлемым элементом определенной цивилизации, и конкретно-этнический. Последний обычно недооценивается, поскольку считается, что сознание – наиболее консервативная, практически неизменяемая константа. Между тем даже тот факт, что история этносов делится на несколько своеобразных периодов (простое племя, союз племен, империя, постимперская ситуация), позволяет априори утверждать, что этническое сознание и, следовательно, картина мира развивались сложно и проблемно.

Все указанные факторы не могли не повлиять на сложный, синкретический и проблемный характер «народной» культуры. Она определяет и нормирует все аспекты жизнедеятельности: уклад жизни, формы

хозяйственной деятельности, обычаи, обряды, регулирование социальных взаимоотношений членов сообщества, тип семьи, воспитание детей, характер жилища, освоение окружающего пространства, тип одежды, питания, отношения с природой, миром, предания, верования, поверья, знания, язык, фольклор как знаково-символические выражение традиции.

Культура активно синтезирует свое и чужое в виде своеобразной дроби. Предпочитает свое и помещает его в числитель. Она и не может поступать иначе. Если культура предпочитает чужое или общее, она начинает медленно угасать. Европейская цивилизация берет идеологию всего метарегиона в числитель, но она в значительной степени уже результат и собственного развития, образовалась уже в древности. Впоследствии так называемое Северное Возрождение начнет осваивать греко-римскую античность, но вскоре столкнется с конфликтом ее со своим прошлым (Великое переселение народов).

В народной картине мира проявляются общецивилизационные черты. Есть присутствие триады миров. Особую роль играют религиозные концепты и рецепты. Однако народная культура не замешана на религии. Если модель культуры представить дробью, то она будет выглядеть так: в числителе – народная культура, в знаменателе – имперская идеология. Здесь религия лишь часть культурного пространства.

Цивилизации в Евразии образуются на протяжении весьма длительного периода. Самые ранние появляются за несколько тысячелетий до н. э.: месопотамские, египетская, ханьская, буддийская. Их идеологии являются результатом автохтонного развития, вырастают из сообщества ментальностей того или иного региона. Поздние ци-

визации, а к ним можно отнести «мирь» I тыс. н. э. (христианский, мусульманский, славянский), «не успевают» завершить процесс перерастания ментального в идеологическое и берут в качестве «религии» чужую культуру. Христианство и есть форма этой чужой культуры. Оно порождено ближневосточными процессами, но пришло в иную цивилизационную зону и столкнулось с иной ментальностью и иной логикой развития культуры. Нигде, кроме Европы, не идут такие споры о христианской «истине», и это серьезный аргумент в пользу «чужеродности» этой религии. Результатом этого – на тот период уникального – явления и стало появление сугубо европейской дихотомии «религия–культура».

Важна именно форма культуры, ее конфигурация, а не ее часть, важная или неважная, или ядро. Христианство вбирает в себя философию, право, литературу, искусство, музыку, историю и т. д. Ничего вне христианства уже нет – всё в нем, и только в нем! И воздействует оно не только на некое «религиозное чувство» в человеке, а подчиняет себе полностью всё его мировоззрение. Лишь мироощущение, вырастающее из ментального, глубинного, неподвластно христианской «истине».

Но христианство еще и «ничья» религия. Оно не выросло на основе длительной ментальной традиции определенного этноса или группы генетически близких этносов. Оно не сформировалось в каком-то определенном культурном «доме», а появилось «на улице», змеей пробирающейся между разными «домами». На это обращали внимание уже античные авторы, в частности Цельс. Он считал иудео-христианскую традицию аномалией, порожденной невежеством древних евреев и мошенничеством Христа. Именно как ученый и эруди-

рованный человек, Цельс захотел и во многом смог понять механизм формирования христианства. Если не принимать во внимание его грубые и бездоказательные обвинения авраамических религий в невежестве и мошенничестве, он смог заметить многие особенности процесса их образования.

Цельс, вероятно, неплохо ориентировавшийся в историко-культурном атласе своего времени и знавший историю Средиземноморья и Ближнего Востока на протяжении нескольких последних столетий, не может связать христианство ни с одной из культур. Это дает ему основание говорить, что иудеи и христиане – невежественные жертвы невежественных «пастухов» (Моисей) и откровенных обманщиков (Христос). Их предки много бродили по Востоку и увиденное и услышанное извратили, а потом стали делать на этом бизнес. В настоящее время, по его мнению, христиане создали противозаконную организацию, и даже их лидер Христос был «схвачен и казнен» за свои преступления.

Обвинения Цельса связаны с определенными реалиями. Действительно, иудео-христианская традиция развивалась сложно и противоречиво, пройдя через различные этапы синтеза идей и форм. Христианство одним из своих самых главных истоков имело иудаизм, который сам был продуктом осмысления и синтеза множества культур. В I тыс. до н. э. он имел дело еще с классическими древневосточными цивилизациями и культурами (Египет, Месопотамия, хетты) и в своей парадигме смог создать уникальную их симфонию.

Становление христианства происходило в иных условиях. Практически на всем евразийском пространстве шел всесторонний этнополитический и социокультурный синтез. Происходило перестроение

вание пространства и переход от родоплеменного общества к «мирам»-цивилизациям. Нужно учитывать, что христианство рождалось в том же уникальном месте, где когда-то сложился иудаизм. Ближний Восток был не просто перекрестком культур, он стал их своеобразным рынком. Это означает, что они были предельно развиты и имели вполне «товарный» вид. Обилие «товаров» было столь велико, что христианам пришлось гораздо труднее, чем древним евреям. Помог им все тот же испытанный метод творческого осмысления и авторской фильтрации всего этого разнообразия. Но если первый (иудейский) синтез был осуществлен в интересах достаточно замкнутой этнической группы, то теперь он был открыт в пространство и во время.

Именно христиане усилили ряд универсалистских иудейских идей, которые и обусловили его оппозицию не только к иудаизму, но и ко всем другим этническим культурам. Это представление о единстве всех людей в историческом процессе, равенстве их и всех народов перед Богом; акцент не на «заветах», т. е. традициях, а на «заповедях», т. е. моральных императивах, вытекающих из норм идеологии; требование принятия примата «верь» над разумом; стремление к распространению «Слова Божьего» по всему миру и др. Эти «религиозные» идеи трудно поддаются обоснованию разумом и должны быть приняты исключительно на веру, что и стало одним из серьезных оснований для будущих конфликтов христианства с другими культурами. В этом плане христиане действительно опережали другие культуры, многие из которых до сих пор помещают в числитель свое этническое.

Практически все культуры на планете, которые сложились в I тыс. до н. э. – I тыс.

н. э., создавались в районах, где особую роль играла земля. Недаром среди значений латинского термина *cultura* есть «земледелие» и «обработка земли». Именно ментальность земледельцев (или скотоводов) отразилась в цивилизационных парадигмах того времени. В иудаизме и христианстве практически нет такого акцента на занятиях человека. Конечно, различные правовые проблемы, связанные с землей, находят отражение и в библейских текстах, и в последующей жизни иудеев и христиан, однако они не являются центральными для жизни этих коллективов. У иудеев была сложная комплексная экономика, где весьма заметную роль играла торговля. Христиане переставали быть «ловцами рыб» и становились «ловцами человеков», уходили из врачей, плотников, мытарей. Они становились «не от мира сего». Может быть, отсюда тоже идет такое пренебрежение к их «противоестественному» образу жизни, которое характерно для средневековой и гуманистической антицерковной критики. Для людей, которые выбирали себе столь необычные, с точки зрения «трудящихся», занятия, как молитва, проповедь, уединение, характерно своеобразное расщепление сознания, перенесение в нем акцента с «посюстороннего» на «потустороннее», с дальнего на горнее. Они сами себя обрекали на дистанцирование от основной массы общества. И не случайно, видимо, что они критиковали общество или даже не принимали его не только потому, что видели зримые его «язвы», но и вследствие подчас элементарного его незнания. Среди них было много рабов и представителей социальных низов, эксплуатируемых и угнетенных, которые не принимали общественный строй, а он не принимал их.

На расщепление христианского сознания, вероятно, повлияли и другие синтезы,

которые уходили от реальных социальных коллективов и их культур и пытались создать новое, во многом искусственное общество – эллинизм, римская имперская культура, восточные культы (типа зороастризма, митраизма) и др.

Наконец, стоит учитывать и то, что христианство, вслед за иудаизмом, сложилось на базе ближневосточных, а не европейских культур, и даже не столько на базе именно культур, сколько «бескультурья», т. е. на основе оппозиционных по сути и духу идей тех людей, которые всё в большем и большем количестве выходили за пределы социальных структур.

Может быть, в самом деле христианство легче понять в начале его истории, когда оно еще не обросло «мясом» культуры, и этим объясняется существование самой жесткой полемики против христианства как религии в период «раннего христианства». Плиний Младший в письме императору Траяну назвал христианство «зловредным суеверием». Средневековая легенда о трех обманщиках (Моисей, Христос, Мохаммед) всё сводила к сознательному обману. В последующие века еретики боролись против церкви и ее практики. Конечно, можно предположить, что церкви удалось убедить ранних еретиков в истинности христианства. Но тогда чем объяснить, что к концу средневековья снова формируется не столько антицерковная, сколько антирелигиозная полемика? Мы обычно объясняем это существованием двух «разумов» – античного и нововременного. Но так ли уж отличались они друг от друга? Разве в основе их обонх не лежат рационализм и прагматизм, посясторонность и чувственность, секулярность и опыт, ментальность и поисковость? Они исходят из одинаковых посылок, и неуди-

вительно, что делают одинаковые выводы. Конечно, просветители уже как бы подводят итоги господству религии, судят ее по делам ее, говорят о месте и роли христианства в истории, причем не только Европы, но ведь в главном они солидарны с античными противниками христианства: религию они оценивают как духовный опиум. Конечно, компенсаторная функция у религии есть, но она не единственная, и роль церкви и религии в истории велика и неоднозначна. Хотя сами христиане подчеркивают именно «утешительный» характер своей религии. Достаточно вспомнить Евангелие от Матфея: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим».

Христианство не знает понятий «культура» и «цивилизация», они складываются до и после его «воцарения». Поле христианства лежит между *cultura* и *civitas*. Само христианство «бездомно», ибо берет свои идеи в различных чужих «домах», между которыми бродят с боями бездомные древние евреи, пробираются бродяги-«пророки». Именно «бескультурье» рождает феномен «веры». Страх перед оседлым миром, чужими «домами», отсутствие своего родного дома в культурном и географическом смыслах, неопределенность перспективы настоящего и будущего существования способствуют объединению изгоев, мобилизации их духа, появлению негативного отношения как к феномену оседло-земледельческой *cultur*’ы, так и к идеалам городского *civitas*. Отсюда культурная неуживчивость христианства и ненависть христиан ко всем культурам, включая халдейскую мудрость, философию как «мать всех ере-

сей» (Тертуллиан), идеологию Града земного, построенного на любви к себе, доведенной до презрения к Богу (Августин). Христианство идет своим путем, создает свою собственную цивилизационно-культурную конструкцию, доказательствами действительности которой в период ее формирования являются «чудеса», побеждающие природные и социокультурные катаклизмы.

Христианские идеи настолько парадоксальны и аномальны, что сами христиане предложили просто верить в то, что разумом недоказуемо. Феномен веры аномален. В такой трактовке он не встречается больше нигде, кроме авраамических религий – иудаизма, христианства и ислама. И здесь рационального объяснения ему не дается. Показательно определение веры М. Лютером как любви к невидимому и неведомому Богу, о котором люди бы и не узнали никогда, если бы он сам об этом не сказал в Книге. Даже в этом реформационном объяснении сохраняется христианское отрицание значимой роли логики в решении этой проблемы.

Понятие «религия» (*religio*) изначально относилось к тому, что объединяет людей, что состоит из общего для всех людей. Христианство же предлагает отказаться от общечеловеческой формулы «будь таким же, как все, и люди потянутся к тебе» и уверовать в «нечеловеческую истину».

Если, скажем, «китаизация» в восточноазиатском мире есть сближение этнически и культурно близких народов, синтез их ментальностей и развитие на этой основе общей идеологии, то «христианизация» в европейском или славянском мирах – это многовековое насильственное распространение идеологии, которая не только пришла из-за периметра метарегиона, но и фактически даже сложилась там. Чужая

культура всегда наиболее четко фиксируется не в ментальных вещах, мироощущении, а в религии или идеологии, мировоззрении.

Да, христианство – «чужая» религия, но не «иная». Конфуцианство, к примеру, принципиально чуждо европейской ментальности и христианской религиозности и может быть воспринято лишь эстетически. Христианский же «пасьянс» оригинален, но «карты» всем знакомы, они свои, лишь расклад их непонятен.

Ни одна другая традиционная идеология не нуждается в таком объяснении и оправдании, в такой постоянной защите «чистоты» учения. По сути, большая часть энергии церкви уходила именно на самозащиту. Развитие богословия тоже в немалой степени было спровоцировано стремлением не столько объяснить, сколько дополнительно обосновать свои идеи и рецепты.

Именно в христианской Европе родилось такое уникальное культурное явление, как атеизм. Именно в ней наблюдается тотальная атеизация населения. Атеизм – не иная религия, не уход в другую религию, а некое безрелигиозное состояние. Нигде на планете его нет, разве что иногда встречается под влиянием Европы. Для любой культуры атеизм как отрицание цивилизационной парадигмы, пусть и в религиозной форме, опасен и по большому счету недостижим. В Европе он носит четкий антихристианский характер, не имеет своей идеологической основы, и результатом его является просто уход в ментальность.

Парадоксально, но мы до сих пор не можем рационально или на историческом материале объяснить происхождение христианства. Невозможно логически или на фактическом материале опровергнуть концепцию Откровения. Столь же сложно отри-

цать серьезную продуктивность марксистской альтернативы этой концепции, хотя она и выросла из просветительского тотального неприятия идеи религии вообще. Здесь и там априорные утверждения пытаются обосновать с помощью логики и исторического материала. В результате фактически до сих пор существуют лишь апологетическая и обвинительная позиции. Обе полемичны и, следовательно, довольно однобоки. Возникновение христианства оценивается либо как закономерное, либо как случайное явление, результат доброты Бога, или людской доброты или корысти.

Понятно, что особое значение имеют отношения иудаизма и христианства. Общая история их взаимоотношений в общих чертах известна. Можно выделить некоторые важные этапы и моменты в этой истории.

Вероятно, решающую роль в трансформации хаотичного и случайного набора ментальных и идеологических осколков в первую синтетическую квазицивилизационную модель сыграли события времени «правления» Моисея.

Христианство тоже возникает в результате развития не одной какой-либо культуры, а смешения разных культур и заимствования из них отдельных элементов. В результате уже по этой причине оно не может тяготеть к какой-то одной культурной традиции, а поднимается над ними. Сказалось и противостояние культур на Ближнем и Среднем Востоке в I тыс. до н.э. «Осевое время» как период вызревания и складывания классических цивилизаций в процессе трансформации мультикультурной ситуации в монокультурную насыщено не только военными и политическими столкновениями, но и информационными боями. Многие «лишние» культуры, не вошед-

шие в новые структуры (иудаизм просто самый известный пример), создают свои пасянсы. На первый план у них выходят не столько социально-политические, сколько морально-этические концепции, связанные со свободой от «старого мира» и «любовью» как социально-политической категорией. Именно у «бездомных» субкультур и квазикультур особенно сильна ностальгия по любви и заботе, которых они оказались лишены. Эта черта может быть названа даже новой ментальной составляющей у них. Естественно, обратной стороной этого станет обиженность на весь мир, агрессивность по отношению к нему и в итоге борьба с ним, отрицание его значимости в жизни народов и людей. Их адепты проявляют поразительную активность, в проповедях своих стараясь убедить скорее самих себя, чем других.

Одним из результатов вынужденной мобильности носителей предхристианских идей, милитаризации их общества и сознания в ходе скитаний, повышения роли вождей стал большой акцент на роли человека. В оседлом обществе это чаще наблюдается в ситуации кризиса, в процессе так называемого «возрождения» [15]. Человеку в ситуации пространственной или временной «бездомности» не от кого получить поддержку, и он надеется только на свои силы. Между Зевсом и Христом стоит Человек.

Человек повидал многих и всяких «богов», и ни один из них ему не помог, не приютил его, не утешил. «Бездомный» Человек выбирает «бездомного» Бога; они идут по жизни вместе и оба находятся в постоянной конфронтации с другими людьми и богами.

Именно в христианстве вырабатывается рельефно модель культуры, в которой представлены две Сверхличности: Бог как

сверхъестественная, внеестественная, надъестественная Сверхличность, которая это естество творит и в нем промышляет, и Человек как естественная Сверхличность, которая осваивает естество и им управляет. Естественно, что отношения между ними проблемны, а в особых ситуациях даже конфликтны. Оба стремятся, по сути, обойтись друг без друга. Мировоззрение Человека стремится к атеизму, а в отношении Бога декларируется, что «все в руке Божьей». В реалии оба этих идеала недостижимы, и должно существовать некое «равенство» Бога и Человека, отсутствие противоречия между ними, чему способствует иудейская и христианская концепции «завета».

По сути, такой слишком большой акцент на могущество Человека не свойствен другим евразийским культурам. Например, конфуцианство делало все, чтобы личность, высвобождающаяся из мифологии, высвобождалась не в индивидуальную свободу, а в искусно построенную «мозаику» правил поведения людей. В нем личность не становилась самоцелью, она – часть общественного мироустройства.

Литература

1. Батурич А.П., Селезнев Р.С. Менталитет человека Средневековья: проблемы историографии. – Кемерово: КемГУ, 2011. – 300 с.
2. Бессмертный Ю.А. Мир глазами знатной женщины IX века // Художественный язык средневековья. – М., 1982. – С. 83–107.
3. Гастаров М.А. Дуода // Памятники средневековой латинской литературы VIII–IX века. – М.: Наука, 2006. – С. 349.
4. Гуревич А.Я. Проблема ментальностей в современной историографии // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. – М., 1989. – Вып. 1. – С. 75–89.
5. Дашковский П.К. К вопросу о соотношении категорий «менталитет» и «ментальность»: историко-философский аспект // Философские дескрипты. – 2002. – Вып. 2. – С. 36–40.
6. Сото Э. де. Загадка капитала: почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. – М.: Олимп-Бизнес, 2004. – 263 с.
7. Сото Э. де. Иной путь: невидимая революция в третьем мире. – М.: Саталлаху, 1995. – 320 с.
8. Пиоземцев В.А. Попытка возрождения великой иллюзии // Латинская Америка. – 2001. – № 3. – С. 103–108.
9. Кирдина С. Может ли ученый изменить мир? // Отечественные записки. – 2004. – № 6.
10. Латов Ю., Нестик Т. «Плохие» законы или культурные традиции? // Общественные науки и современность. – 2002. – № 5. – С. 35–47.
11. Лурье С.В. Историческая этнология. – 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 448 с.
12. Марков Б.В. Разум и сердце: история и теория менталитета. – СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1993. – 230 с.
13. Мишкинене Ю.Б., Мальцева С.Е. Э. де Сото: новый взгляд на взаимодействие власти и бизнеса // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2004. – № 1. – С. 114–127.
14. Ницше Ф. Веселая наука. – М.: Эксмо, 2010. – 527 с.
15. Пиков Г.Г. «Возрождение» как особенность развития европейской культуры // Пиков Г.Г. Из истории европейской культуры. – Новосибирск, 2002.
16. Послушник и школяр, наставник и магистр: средневековая педагогика в лицах и текстах. – М.: РАО, 1996.
17. Пушкарев А.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. – 1995. – № 3. – С. 158–166.
18. Увещевания Доданы / пер. с лат. М.Р. Ненароковой // Памятники средневековой латинской литературы VIII–IX века. – М.: Наука, 2006. – С. 351.
19. Шкуратов В. Историческая психология: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. – М.: Смысл, 1997. – 505 с.

ONCE AGAIN ABOUT THE SPECIFICS OF INTERACTION BETWEEN CHRISTIANITY AND EUROPEAN CULTURE

G.G. Pikov

National Research Novosibirsk State
University

pikov@gf.nsu.ru

The author considers problematical character of the relations of Christianity with different cultures as one of the bright features of European civilization. Attempts to understand it were made throughout the whole history of Christianity. It is necessary to examine continuous penetration of the most diverse cultures from other continents into Europe which faced the existential conflict with this religion. At the same time the author analyzes the problematic relations of Christianity with the European mental and cultural compositions. They naturally contradicted Christianity which had been created outside the continent. This conflict can be easily observed during the period of early Christianity when Christianity was more represented by a set of ideas, than by a sum of artifacts. Besides, Christianity was formed not due to the evolution of certain initial paradigm knowledge but as a result of synthesis of the elements of almost all known at that time cultures. The author considers the history of interaction between Christianity and the European cultural streams, and he also reviews some forms and methods of that opposition. Church played a special role in that opposition and Christianization can be presented as the movement of the Church to a greater extent, than a religion. At the same time Christianization is the information conquering of new space. Also the role of this religion in the preservation of the European information unity should be highlighted as well as its role in the struggle against cultural interventions from the outside.

Keywords: Christianity, culture, religion, mentality, atheism, science.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-1.1-39-52

References

1. Baturin A.P., Selezenev R.S. *Mentalitet cheloveka Srednevekov'ya: problemy istoriografii* [Mentality of a medieval man: the problems of historiography]. Kemerovo, KemSU Publ., 2011. 300 p.
2. Bessmertnyi Yu.L. *Mir glazami znatnoi zhenshchiny IX veka* [The World through the eyes of a noble woman of the IX century]. *Khudozhestvennyi yazyk srednevekov'ya* [Artistic Language of the Middle Ages]. Moscow, 1982, pp. 83–107.
3. Gasparov M.L. *Duoda* [Duodo]. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury VIII–IX veka* [Literary texts of medieval latin literature of the VIII–IX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2006, p. 349.
4. Gurevich A.Ya. *Problema mental'nosti v sovremennoi istoriografii* [The problem of mentalities in contemporary historiography]. *Vseobshchaya istoriya: diskussii, novye podkhody* [General history: discussions, new approaches]. Moscow, 1989, iss. 1, pp. 75–89.
5. Dashkovskii P.K. *K voprosu o sootnoshenii kategorii "mentalitet" i "mental'nost": istoriko-filosofskii aspekt* [On the question of the relationship between the categories of "mind" and "mentality": historical and philosophical aspect]. *Filosofskie deskripty – Philosophical descript*, 2002, iss. 2, pp. 36–40.
6. Soto H. de. *The mystery of capital: why capitalism triumphs in the West and fails everywhere else*. New York, Basic Books, 2000. 276 p. (Russ. ed.: Soto E. de. *Zagadka kapitala: pochemu kapitalizm torzhestvuet na Zapade i terpit porazhenie vo vsem ostal'nom mire*. Moscow, Olimp-Biznes Publ., 2001. 263 p.).
7. Soto H. de. *The other path: the invisible revolution in the third world*. New York. Harper & Row, 1989. 271 p. (Russ. ed.: Soto E. de. *Inoi put': nevidimaya revolyutsiya v tret'em mire*. Moscow, Catallaxy Publ., 1995. 320 p.).
8. Inozemtsev V.L. *Popytka vrozozhdeniya velikoi illyuzii* [Attempts to revive the great illusion].

Latinskaya Amerika, 2001, no. 3, pp. 103–108. (In Russian)

9. Kirdina S. Mozhet li uchenyi izmenit' mir? [Can a scientist change the world?]. *Otechestvennye zapiski*, 2004, no. 6. (In Russian)

10. Latov Yu., Nestik T. “Plokhie” zakony ili kul'turnye traditsii? [“Bad” laws or cultural traditions?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Modernity*, 2002, no. 5, pp. 35–47. (In Russian)

11. Lur'e S.V. *Istoricheskaya etnologiya* [Historical ethnology]. 2nd ed. Moscow, Aspect Press Publ., 1998. 448 p.

12. Markov B.V. *Razum i serdtse: istoriya i teoriya mentaliteta* [Mind and heart: history and theory of mentality]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 1993. 230 p.

13. Mishkinene Yu.B., Mal'tseva S.E. E. de Soto: novyi vzglyad na vzaimodeistvie vlasti i biznesa [H. de Soto: a new look at the interaction between business and government]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Politicheskie nauki – Moscow State University Bulletin. Series 12, Political Sciences*, 2004, no. 1, pp. 114–127. (In Russian)

14. Nietzsche F. *Veselaya nauka* [The gay science]. Moscow, Eksmo Publ., 2010. 527 p.

15. Pikov G.G. “Vozrozhdenie” kak osobennost' razvitiya evropeiskoi kul'tury [“Renaissance” as a feature of european culture]. Pikov G.G. *Iz istorii evropeiskoi kul'tury* [From the history of european culture]. Novosibirsk, 2002.

16. *Poslushnik i shkolnyar, nastavnik i magistr: srednevekovaya pedagogika v litsakh i tekstakh* [A novice and a school pupil, a mentor and a master: medieval pedagogy in the life of people and texts]. Moscow, RAE Publ., 1996.

17. Pushkarev L.N. Chto takoe mentalitet? Istoricheskieskie zametki [What is Mentality? Historiographical notes]. *Otechestvennaya istoriya*, 1995, no. 3, pp. 158–166. (In Russian)

18. Nenarokova M.R., transl. Uveshchevaniya Dodany [Doda's exhortations]. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury VIII–IX veka* [Literary texts of medieval latin literature of the VIII–IX centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2006, p. 351.

19. Shkuratov V. *Istoricheskaya psikhologiya* [Historical psychology]. 2nd ed. Moscow, Smysl Publ., 1997. 505 p.